

6. Успенский 1997 – Успенский В.А. Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова //Новое литературное обозрение. – 1997. – № 24.

7. Lakoff 1987 – Lakoff R. Woman, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. - Chicago: Houghton Muffin, 1987. - 245 p.

SUMMARY

The article is dedicated to the study of the up-to-date problem of “gender” and sexual peculiarities and the differences of the communicative behavior of men and women. The aim of the research is the analysis of the peculiarities of the communicative behavior of men and women in the process of unofficial communication, described in the American and English drama of the 20 – 21 centuries. The main applied methodical approach is based on the calculation of the quantity of the discovered communicative phenomena in the speech of men and women, and the comparison of the results of the calculation. The author of the article offers the analysis of the quantity of the applied communicative phenomena in the speech of men and women, the comparison of the main communicative strategies and tactics and the discovery of the common and different features of the communication of sexes in the analyzed time period.

81.053.2

Елена Гусева

КРИТЕРИИ ТЕРМИНОЛОГИЧНОСТИ И КОРРЕЛЯЦИЯ “ТЕРМИН – СЛОВО ОБЩЕГО ЯЗЫКА”

Статья посвящена проблеме внутренней природы термина, а также различным аспектам соотношения термина и общеупотребительного слова. В языкознании, в рамках функционального подхода, термин рассматривается как функция слова, как языковой знак, специализирующийся на выражении профессионального и научного знания. Словная природа термина сочетается с устойчивой тенденцией к образованию оппозиции со словом общего языка. Корреляция термин – слово характеризуется полифункциональностью.

Обновление специальной лексики актуализирует вопрос об основаниях объединения класса лексических единиц под зонтиком понятия *термин* – вопрос о критериях терминологичности. Понятие критерии терминологичности введено для выделения в тексте терминов, больших, чем слово. Критерии терминологичности у Б.Н. Головина и Р.Ю. Кобринина – это знаки терминологичности словосочетания, в том числе и формальные показатели терминологичности: внешние параметры, поддающиеся регистрации, измерению [Головин 1987: 60-67]. В инновационный период существования языка нужны критерии именно

такого рода, и критерии, приложимые не только к словосочетанию, но и к слову.

В самом слове *критерий* заложены достаточно широкие возможности толкования понятия *критерии терминологичности*. *Критерий* – [гр. *Critheron*] – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо, мерило. На восприятие греческого по происхождению слова *критерий* сейчас оказывает влияние и английский термин *criterion*. Английский аналог слова *критерий* трактуется также широко: *criterion – decisive factor, reason, principle, measure, norm, condition, standard*. В переводе соответственно: *критерий – решающий фактор, причина, принцип, основание, мера, норма, условие, стандарт*.

Чтобы еще более точно определить понятие *критерий терминологичности*, нужно вспомнить, что *критерий* – это и *мера, мерило*. От слова *мера* ассоциативная связь простирается к понятию *степень*. И тогда тот или иной признак слова может быть не только знаком его принадлежности к разряду терминов, но и показателем степени терминологичности слова. Иначе говоря, *критерий терминологичности* можно трактовать как признак, как показатель терминологичности и как эталон.

Критерии терминологичности – это те специфические признаки определенного класса слов, которые в свое время сформировали понятие *термин* и которые сейчас в каждом конкретном случае позволяют опознать термин в единице лексической системы языка. Однако в связи с неоднородностью специальной лексики терминологичность слова будет с неизбежностью определяться как степень его соответствия совокупности неоднородных критериев. А, следовательно, нужен не только полный список оснований, по которым слово относится к классу терминов, но и определение ценностного статуса каждого из критериев. Чтобы судить о терминологичности данных конкретных слов, необходим их анализ по всем установленным критериям, которые в этом случае выступают в качестве нормы (ср. англ. *criterion – standard, norm – стандарт, норма*). При этом мы исходим из того, что основным критерием терминологичности должна оставаться специальность слова, понимаемая как его принадлежность к области научного знания и его связь с научным понятием.

Основания отнесения слова к терминологической лексике достаточно легко извлекаются из дефиниций слова *термин* (это в первую очередь ограниченность сферы употребления профессиональной сферой и ограниченность сферы функционирования слова областью научного знания), а также из вторичных номинаций – составных наименований (ср.: профессиональная лексика и специальная лексика) и т.п. В целом, такие

критерии, как ограниченность сферы употребления профессиональной сферой или ограниченность областью специального знания могут служить формальными показателями терминологичности.

Определяя ограниченность сферы функционирования как критерий терминологичности, нельзя не заметить различия и неоднородности факторов ограничения. Рассмотрим следующий “произвольный” ряд терминов: *Конфиск. Интерфикс. Пси-мезон. Летка. Каупер* и т.д. Сфера функционирования каждого из них ограничена профессиональной сферой и областью специального знания (в данном случае “специального” от “специальность”). Кроме того, ограниченность сферы употребления слов *каупер, летка* обусловлена узкой сферой функционирования предмета номинации. *Конфиск, интерфикс, пси-мезон* – термины несколько иного свойства. Употребление каждого из лингвистических терминов не напрямую связано с областью функционирования предмета номинации – служебной морфемы. Сфера же функционирования *пси-мезона* и вовсе неограниченна. Из этого следует, что причина ограниченности употребления слова *пси-мезон* – в ином (и, следовательно, для данного термина иным является и сам критерий ограниченности сферы функционирования).

Хотя сфера функционирования предмета номинации не универсальный фактор ограничения, можно выделить значительную часть лексики, появление и область распространения которой связаны с характером предмета номинации, а именно с теми сторонами его природы, которые определяют возможности его познания. В частности, *каупер, летка* – технические термины и термины “предметные”, их референт (предмет номинации) доступен визуальному восприятию, тогда как фактором ограничения на появление слова *пси-мезон* является недоступность предмета номинации “простому” или “прямому” чувственному восприятию.

Закрытость для непосредственного восприятия ограничивает обыденное знание и определяет не только возможности появления слова, но и его исходный статус в лексической системе языка. “Невидимый” *пси-мезон* по определению относится к области научного знания. Недоступность предмета номинации чувственному восприятию – это еще одно основание отнесения слова к научной терминологии.

В то же время вопрос, в какой мере и как специальность и терминологичность слова задается предметом номинации, во многом остается открытым. Есть предметы и предметы. В частности, *пси-мезоны* и *конфиски*, при всех их различиях, – это естественные предметы, а *каупер* и *летка* – это артефакты. С лингвистической стороны важно, однородны ли они как предметы номинации. Или их разная бытийная сущность релевантна для языка и характер слова, как и область его

функционирования, все-таки определяется характером “предметности”? Отзвук различий в характере “предметности” есть в классификации лингвистических терминов: их делении на “предметные” и “понятийные” (ср.: *звук* и *фонема*, *ноэма*). Каков же характер ограничения, если не ограничивает бытийная сфера (область функционирования) предмета номинации и сам предмет номинации, или если такие ограничители вторичны? Каким может быть общий для предметов и артефактов ограничивающий фактор? Очевидно, таким общим для слов *каупер* и *псимезон* фактором ограничения может служить ограниченность сферы функционирования термина областью специального или профессионального знания.

Знание, специальное, профессиональное знание – все это неоднозначные термины-понятия. Собственно в возможности различной трактовки таких понятий, как ограниченность, специальность и профессиональность заключается одна из причин того, что к терминологии относят сущностно и функционально различную лексику, превращая критерий терминологичности в меру и степень терминологичности.

“Специальное” и “профессиональное” в термине пересекается в следующем значении: ‘слово знают и употребляют специалисты и профессионалы’. Из таким образом понимаемой специальности знания вытекает следствие: слово является (или может быть) термином, если оно известно кругу специалистов и профессионалов и, следовательно, область его функционирования ограничена профессиональной сферой.

Исследовать и определять критерии терминологичности – все равно, что раскрывать матрешку за матрешкой. За вопросом об ограниченности сферы функционирования термина открываются другие: о характере ограниченности, о причинах и факторах ограниченности. За вопросом об ограниченности сферы функционирования областью знания – вопрос о характере знания.

Матрешка имеет и собственно лексическое измерение – многослойность семантики (мета)слова. Например, понятие знания – это “знание значения слова” или “знание о слове”? Понятие специального знания – “знания специалистов” или “знания, предназначенного для специальных целей”? Понятие *область знания* – это “область, в пределах которой слово известно носителям языка” или “область идей”?

Ограниченная область знания – это и ограниченная область известности слова. В этом пространственном значении *область знания*, *ограниченная область известности слова* – это формальный показатель. Тогда правомерен вопрос, насколько значим для термина этот признак? В какой мере *область известности слова* может выступать критерием-показателем терминологичности?

Говоря о показателях терминологичности слова, мы невольно апеллируем к материальному слову (*показатель* ассоциируется с материальной формой). Признак ограниченности области употребления термина понимается как ограниченность области появления слова (встречаемости) в устных или письменных текстах. С другой стороны, употреблять слово – значит знать его. Так что признак ограниченности употребления может пониматься и как ограниченная область знания (известности) слова. Но и ограниченность сферы функционирования термина профессиональной сферой и ограниченная область знания не универсальные критерии. Доказательство тому – преодоление термином ограниченной области знания.

Знание слова (его известность) лишь опосредованно связано с характером предмета номинации и областью его функционирования. Характер предмета номинации, как и сфера его бытия, задает исходные возможности знания. Однако любое слово отличает относительная независимость от (сферы бытия) предмета номинации.

Признак ограниченности сферы функционирования термина относителен и условен, так как ограниченность характерна для лексики, выходящей (способной выходить) в сферу общего языка. Значимость целого ряда показателей терминологичности снижает диффузность лексики. Ограниченность области функционирования слова профессиональной сферой была бы достаточным и надежным критерием–показателем, если бы этот признак был константным. Однако есть множество терминов, которые преодолевают исходные границы и употребляются за пределами профессиональной сферы. Так, например, термин *дефолт* вследствие причин социального характера стал употребляться далеко за пределами профессиональной сферы. Что изменилось при выходе слова за пределы первоначальной сферы функционирования? Когда слово *дефолт* узнали “все”, перестал действовать такой показатель, как ограниченность области употребления слова профессиональной сферой. И в этом смысле не важно, насколько глубоко эти “все”, как и каждый в отдельности, понимают терминологическое значение этого слова.

Диффузность лексики, нежесткая связь слова с предметом номинации определяют возможность выхода термина за пределы исходной сферы функционирования. Перестает ли слово быть термином, если раздвигаются границы его функционирования? если расширен круг посвященных? Как изменяется при этом характер знания? Возможные варианты ответа на вопрос *Что такое дефолт?* – “Термин, относящийся к области экономики”. “Что-то, имеющее отношение к деньгам”. “То, что было в 1998 году”. Предмет номинации здесь неизменен, различно знание о нем, степень аппроксимации.

Итак, ограниченность области употребления слова профессиональной сферой – это определенная степень приближения к термину. Точно так же известность слова лишь специалистам – это показатель первого приближения, пунктирно очерчивающий круг слов, которые могут быть отнесены к терминологии.

С другой стороны, когда каждый из этих критериев перестает действовать, отчетливее проявляется то, что ушло и что в большей степени значимо для определения терминологичности слова, – характер знания и его функциональная направленность.

Если слово является термином, то не потому, что оно известно узкому кругу специалистов, а потому что известно как термин. Слово, как бы ни парадоксально выглядело, или звучало, это утверждение, перестает быть термином, когда оно перестает употребляться как термин. Иными словами, вопрос, перестает ли слово быть термином за пределами профессиональной сферы, это не вопрос о границах употребления, а вопрос о характере знания.

В целом же критерий ограниченности сферы функционирования термина областью знания, в отличие от других форм ограниченности, – это более близкий к языку подход и это подход интегрирующий. Именно знание уравнивает термины разной природы. За пределами языка предметы могут быть противопоставлены как артефакт и реалья, за пределами языка, в реальной действительности, предмет номинации может и вовсе отсутствовать. Незаметные конфиксы и невидимые пси-мезоны объединяет с предметным каупером и абстрактной фонемой то, что все они одинаково относятся к области знания. Знание уравнивает предметы и предметы, а с другой стороны предметы и понятия, нейтрализуя в предмете номинации саму сущность явления – его реальность или фантомность. Термины разной природы уравнивает знание, а точнее, характер знания.

Отнесенность термина к области знания элиминирует, “отменяет” предметную направленность слова. Если речь идет о знании, то любое слово, независимо от степени его предметности или понятийности, уместно рассматривать как номинацию понятия, или, точнее, форму вербализации понятия. А терминослово – как форму вербализации **научного** понятия.

Изменение характера знания при выходе за пределы профессиональной деятельности – это опять-таки вопрос о том, чем отличается термин от не-термина и каковы показатели детерминологизации. Детерминологизацию можно рассматривать как переход слова в иную сферу функционирования, как изменение его семантики, как изменение способа толкования. И как переход ступенчатый. Детерминологизация как итог – это качественное

изменение характера знания, в том числе связанное с изменением предмета номинации. И здесь мы вновь выходим на вопрос о критериях терминологичности слова. Когда слово дефолт узнали все, оно вышло за пределы профессионального знания (знания специалистов) в область знания неспециального. А это значимо, если профессиональную сферу понимать как профессиональную деятельность.

Термин – это номинация предмета профессиональной деятельности, используемая (предназначенная для использования) в профессиональной деятельности. Снимите это ограничение (исключите признак включенность в профессиональную деятельность), и снимаются предъявляемые к термину требования однозначности, четкости, точности и т.п. Выход за пределы профессиональной деятельности можно считать первым действием по слиянию терминологического слова с лексикой общего языка. Выход за пределы профессиональной деятельности – это и зеленый свет к семантическому развитию слова.

Итак, термины разной природы и разных сфер употребления объединяет то, что они **известны** в пределах **профессиональной области**, известны кругу специалистов (так они подпадают под определение и специальной и профессиональной лексики). Кроме того, в понятие *специальности (специальное знание, профессиональное знание)* включено понятие **значимости** слова, определяемое значимостью предмета номинации, вернее, предмета деятельности. Слово, призванное маркировать значимый для профессиональной деятельности предмет или маркировать характер понятия, приобретает собственную значимость, включаясь в профессиональную деятельность в качестве составной ее части, т.е. в качестве составляющей, релевантной для достижения цели деятельности (что определяет наличие в семантике слова *термин* компонентов *преднамеренность* и *целесообразность*). Функциональный подход к термину, как к номинации предмета, включенного в профессиональную деятельность, или к номинации понятия, значимого для достижения результата деятельности, объединяет два до сих пор параллельно существовавших определения термина – термина как номинации предмета профессиональной деятельности и термина как номинации научного понятия.

Итак, к критериям терминологичности следует отнести:

1. Ограниченность области употребления (сферой профессиональной деятельности и областью профессионального знания) “специальность 1”. Критерий “где служит”.
2. Связь с научным понятием, или “специальность 2”. Критерий “чем служит”.

И здесь можно было бы говорить о противоречии, заключающемся в разных основаниях отнесения слова к терминам. Но термины разной

природи об'єднює обмеженість області їх функціонування сферою професійної діяльності (Критерій “для чого служить”). Таким образом, термін – це спеціальна номінація, призначена для використання в професійній діяльності і значима для досягнення цілі цієї діяльності.

Всі перераховані вище критерії термінологічності – це в основному зовнішні по відношенню до слова знаки-показателі. Якщо под словосполученням *критерій термінологічності* розуміти специфічний ознак самого термінологічного слова, і ознак, що складає його саме, то основним критерієм термінологічності слід визнати призначення терміна – *бути засобом вираження наукового поняття* (то, що ми умовно визначаємо як “спеціальність 2”). Але ознак “науковості того поняття, знаком якого слово є” для критерію-показателя занадто ідеальні. Або занадто ідеальні, щоб бути формальним показателем термінологічності слова. Точно так же як науковості поняття, не безпосередньо в слові об'єктивовано і критерій “особливий характер професійного і спеціального знання”. Що ж сприяє розпізнанню в слові терміна як носія спеціального знання тим колом осіб, які його використовують, і разом з тим носіями мови? Іншими словами, чи може проявлятися і як проявляється спеціальність як зв'язок з науковим поняттям? Такий показник спеціальності можна розглянути в наявності у терміна еквівалента в загальному мові.

Обмеженість сфери функціонування – це знак того, де шукати термін. Але щоб знайти його серед багатьох слів, обмежених в своєму існуванні тими або іншими рамками, в даному випадку простором професії, спеціального знання, потрібні інші критерії, більш надійні і стійкі, ніж обмеженість сфери використання, і більш наочні, ніж науковості поняття. Потрібні крім того критерії-показателі, легко доступні сприйняттю, піддаються виробленню разом з термінословом. Одним з таких критеріїв для терміна є наявність, на наш погляд, слова-еквівалента в загальному мові. При цьому еквівалент термінологічного слова в загальному мові є критерієм-показателем швидкого реагування, виробним (виходячим в світлу область свідомості) в зв'язку з терміном.

Термін не тільки характеризується, але і виробляється і розпізнається як особливе слово, протилежне слову загальному мові або корелююче до слова загальному мові. Важливим умовою розпізнання слова як терміна є наявність в лексиці його другого я. Або скоріше, “першого я”. Тому що слово розпізнається як термін, коли розпізнається як *інше слово*. А саме так термін зазвичай і розпізнається – як друге, інше, особливе ім'я предмета, вже існуючого (перше) ім'я.

Многозначность и полисемия, важный и релевантный, соотносится и коррелирует – это примеры того, что именно термин осознается как второе слово даже теми, кто в равной мере владеет и первым и вторым. В паре межстилевых коррелятов терминологическая номинация воспринимается как вторичная не только тогда, когда термин – заимствованное слово, но то, что оппозиция *термин – слово* принимает вид оппозиции заимствованного и исконного слова – это примета современного языка.

Конечно, наличие эквивалента в общем языке не абсолютный критерий терминологичности. Есть термины, у которых нет эквивалента в специальном языке. Формально они не образуют оппозиции *термин – слово*. Рискнем, однако, предположить, что они осознаются как таковые на фоне тех, что противопоставлены слову общего языка.

А что если бы не было эквивалента ни у одного из терминов? Чем определялась бы тогда особенность терминологической номинации? И столь же заметной была бы исключительность данного класса слов, если бы она **проявлялась** только в ограниченности сферы употребления слова, области знания и т.п.? Ограниченность сферы употребления слова – как пространственный параметр – отличает и диалектные слова, и жаргонизмы, и иную специальную лексику. Но термин “выламывается” из ряда слов ограниченного употребления. И хотя у диалектных слов, и жаргонизмов также могут быть эквиваленты в общем языке, совершенно иной является значимость корреляции *термин – слово общего языка*.

“Наличие эквивалента в общем языке” формально не универсальный критерий терминологичности, но его значение уникально. Терминологическую лексику, находящуюся в отношении синонимии со словом общего языка, следует выделить как системообразующую часть специальной лексики. Термины, не имеющие синонима в общем языке, подключаются к этому своеобразному ядру терминологии. Корреляция *термин – слово* общего языка формирует и внешние границы терминологии. И как бы условны и проходимы они ни были, наше представление о том, что эти границы существуют, основывается в значительной степени на формальной противопоставленности термина слову общего языка.

Итак, критерии-показатели терминологичности можно свести к двум основным:

- Ограниченность сферы употребления (сферой профессиональной деятельности и областью специального знания). По этому показателю к классу терминов присоединяются слова разной степени терминологичности.

- Наличие эквивалента в общем языке. Критерий “наличие эквивалента в общем языке” может быть заменен критерием “инакость, особенность номинации”.

У критерия “особость номинации” есть точки соприкосновения с критерием ограниченность сферы употребления. Ограниченность сферы *употребления слова тогда приобретает значимость критерия терминологичности, когда специальное слово выступает в оппозиции к общеупотребительному слову.*

Таким образом, термин опознается по такому параметру, как “особость номинации”, “противопоставленность слову общего языка”, “наличие эквивалента в общем языке”. Отсюда еще одно следствие: понятию *термин* в большей степени удовлетворяет слово, формально наиболее противопоставленное слову общего языка. Оттого именно заимствование так годится на роль термина: оно выделяет термин как особое имя. Понятию термин в большей степени удовлетворяет слово как номинация **научного** понятия, и слово, противопоставленное слову общего языка.

“Наличие эквивалента в общем языке” – это формальный показатель терминологичности слова. С другой стороны, становление оппозиции *термин-слово* как формальной оппозиции мотивированно содержательным различием термина и слова, различием научного и наивного знания и, по предположению, различием ментальных структур. Если это предположение верно, то наличие эквивалента в общем языке проявляет, эксплицирует *ингерентное* свойство термина – быть знаком иного понятия, иной ментальной структуры.

Оппозиция *термин – слово* открывает возможность перехода знания о различии ментальных структур из области бессознательного в область сознательного. И тогда функционально не только различие слова и термина, функциональна оппозиция слова и термина, взятая как целое. Более того, оппозиция *термин – слово* полифункциональна. Функции оппозиции *термин – слово общего языка*:

- различие научного понятия (специального знания) и бытового понятия (наивного знания),
- различие структур сознания,
- различие предмета и понятия о предмете.

Термин и слово нужны, чтобы различать понятие (как структуру сознания) и концепт (как структуру сознания). Термин и слово нужны, чтобы различать понятие и предмет в слове. Слово существует как двойная отсылка к предмету и понятию. Несовпадение признаков предмета и понятия о нем – достаточная мотивация для их разграничения. Однако слово – это символ тождества предмета и понятия, а не их расхождения. При всей очевидности расхождений признаков понятия и признаков реалии, объединение реалии и понятия в слове возможно только на основе тождества. Как же в таком случае маркируется их расхождение? Ясно, что сознание дифференцирует признаки предмета – сигналы реального мира –

и признаки понятия – ментальной репрезентации. Вопрос и в том, как сознание дифференцирует их. Возможно, опять-таки оппозицией *термин – слово общего языка*. Сознание использует сложившуюся оппозицию *термин – слово* как способ экспликации идеи различия, экспликации знания о различии.

Сдвоенность репрезентации понятия и предмета в слове можно определить как скрытую омонимию слова. И если сдвоенность репрезентации понятия и предмета в слове соответствует самой основе существования языка, то омонимия противоречит внутренним законам его функционирования и развития. Лингвисты давно заметили, что в термине его связь с предметом нивелируется, а связь с понятием выходит на первый план [Гречко 2003: 176]. А это значит, что единица научного лексикона в меньшей степени номинация предмета и в большей степени форма вербализации понятия о предмете. Рискнем предположить, что слово и термин – это изобретенный человеческим сознанием способ развести в слове языка предмет и понятие. Иначе говоря, оппозиция *термин – слово общего языка* – это найденная языковым сознанием возможность и способ разграничить в слове языка предмет и понятие, в том числе и закрепив формально это разграничение в разных звуковых комплексах.

Сдвоенность репрезентации понятия и предмета в слове (при нетождественности, неизоморфности, расхождении признаков предмета и составляющих понятия) – достаточный повод для их дифференциации и, добавим, это основательная причина того, что мы называем стилистической дифференциацией лексики. В свою очередь устойчивое стремление к стилистической дифференциации, свойственное русскому языку, наводит на мысль, что русское слово в целом тяготеет к понятию, что оно по преимуществу представление понятия. Исследование этой стороны отношения *термин – слово* дает возможность иного взгляда на природу и характер стилистической дифференциации языка, позволяет по-новому оценить ее целесообразность.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Головин 1987 – Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высш. школа, 1987.
2. Гречко 2003 – Гречко В.А. Теория языкознания. Учебное пособие / В.А.Гречко. – М.: Высшая школа, 2003.

SUMMARY

The article deals with the problem of term as a language phenomenon. The author analyses criteria, which make the difference between *term* and *common word*. The nature of common word which refers both to subject and notion and the inner nature of term which are mostly a sign of scientific notion are also

investigated. The investigation of mental sphere in cognitive science causes the problem of term and common word as a signs of two different cognitive structures. The author considers the “term – common word” correlation as the way of explication of knowledge about cognitive structures.

81.453-03

Маргарита Казніна

ДО ПИТАННЯ ІСТОРІЇ ПРАВОПИСУ НОВОГРЕЦЬКОЇ МОВИ

У статті розглядається одне з найактуальніших питань сучасного мовознавства новогрецької мови – питання правопису. Авторка надає повний опис історії розвитку орфографії новогрецької мови, починаючи з давніх часів і до сьогодні. Дослідниця показує етапи становлення монотонічної системи мови з політонічної. У роботі проаналізовано наукові праці найвідоміших граматистів. Детально розглянуто діяльність найактивнішого мовознавця ХХ століття М. Тріандафілідіса, його внесок у розвиток лінгвістики новогрецької мови.

Єдина, обов'язкова для всіх орфографічна система ґрунтується на певних принципах, обумовлених особливостями звукового складу та граматичної будови мови і відображає історичний розвиток формування й усталення її правописних норм. Правопис кожної мови складається з трьох підсистем: графіки (літер, якими позначають найтиповіші звуки та звукосполучення), орфографії (способів поєднання звуків і звукосполучень, що забезпечує однотипність написання слів) і пунктуації (розділових знаків, за допомогою яких позначають інтонаційне членування тексту). Кожен із цих розділів має свою історію. Щодо правопису новогрецької мови, питання орфографії димотики є актуальним і на сьогодні.

Термін «орфографія» в новогрецькій мові не старий, тому що давні греки писали, як правило, на слух і таким чином в них не виникала потреба в правописі. Актуалізація питання орфографії відбулася лише тоді, коли мовлення греків почало швидко змінюватися, а правопис залишався незмінним. Довгий час грецька мова існувала в двох стилях: димотиці та катаревусі. Вони виникли й розвивалися як два стилі однієї мови (димотика як розмовний стиль, катаревуса як писемний). Димотика розвивалася швидше за катаревусу і поступово стала загальнонаціональною мовою. Перші спроби створити орфографічний довідник відбулися в олександрійську епоху з метою писати правильно згідно граматичним канонам мови, якою розмовляли і писали Афіняни у V ст. до н.е. Знаки наголосу (гострий, протяжний, слабкий) та придиху (слабкий, сильний) були винайдені граматистами у II ст. до н.е. та використовувались у класичних текстах, щоб надати мові музичного відтінку. У IX ст. н.е. паралельно з розповсюдженням написання малими